

ПРОЛОГ

В записке, которая прилагалась к данной рукописи, доктор Хесселиус оставил довольно подробные комментарии. В ней он ссылается на свой трактат, посвященный той же странной теме, о которой идет речь в настоящей рукописи.

Доктор глубоко исследует сию загадочную тему с присущей ему проницательностью, однако нельзя не отметить удивительную прямоту анализа таинственных явлений. Причем данный трактат составит лишь один из томов в собрании трудов этого невероятного человека.

Поскольку я предлагаю историю благородной дамы широкой публике, мне кажется неуместным предварять повествование какими бы то ни было предисловиями. Посему, поразмыслив, я решил воздержаться от изложения краткого содержания рассуждений и выводов многоуважаемого доктора, а также цитирования его высказываний по теме, которую он описывает как «нечто, вероятно, затрагивающее сокровенные тайны нашего дуального существования и его промежуточных состояний».

Ознакомившись с текстом рукописи, я жаждал вступить в переписку, начатую доктором Хесселиусом много лет назад. Меня весьма привлекла личность дамы, обладающей, по всей видимости, незаурядным умом и внимательностью к деталям. Однако, к моему глубокому сожалению, оказалось, что ее уже нет в живых.

Впрочем, полагаю, она едва ли могла бы добавить что-то существенное к своему и без того обстоятельному и скрупулезному повествованию, которое изложено на следующих страницах.

I

ПЕРВЫЙ ДЕТСКИЙ СТРАХ

Мы живем в Штирии*. Хоть мы и не принадлежим к знатному роду, но обитаем в замке, или, как здесь говорят, шлоссе**. Доход у нас скромный, но в этих краях его хватает на все с избытком. Восемь-девять сотен в год творят чудеса. Мой отец англичанин, и я ношу английскую фамилию, но на родине никогда не была. Там,

* Штирия (нем. Steiermark) — федеральная земля на юго-востоке Австрии. Столица и крупнейший город — Грац. *Здесь и далее примечания переводчика, если не указано иное.*

** В средневерхненемецком языке для обозначения замка использовались два слова — das Schloss и die Burg. Die Burg — это укрепленное военное сооружение, служившее защитой феодалу, крепость, в которой жили и воевали. Под словом das Schloss понимали место жительства дворянина.

среди богатых соотечественников, мы считались бы бедняками, а здесь слышем состоятельными людьми. Однако, честно говоря, я не знаю, как в этом уединенном и неприхотливом краю можно было бы жить более комфортно или роскошно, будь у нас больше средств. Здесь все невероятно дешево.

Мой отец служил в австрийских войсках. Уйдя в отставку, благодаря пенсии и наследству он весьма недорого приобрел феодальное владение с небольшим участком земли.

Невозможно себе представить более живописное и уединенное место. Замок стоит на небольшой возвышенности посреди леса. Перед подъемным мостом, который на моей памяти ни разу не поднимали, проходит очень старая и узкая дорога. Ров наполнен водой, в нем водятся окуни, плавают многочисленные лебеди и колышутся белые флотилии кувшинок.

Над всем этим возвышается замок-шлосс — многооконный фасад, башни, готическая часовенка.

Перед воротами замка лес отступает, образуя поляну неправильной формы, но очень живописную. Справа дорога продолжается по крутому готическому мосту над бурным ручьем, бегущим в густой чаще. Я уже упоминала, что место это весьма уединенное. Посудите сами: если стоять у парадной двери и смотреть в сторону дороги, вы увидите, что лес, посреди которого находится замок, простирается на пятнадцать миль вправо и на двенадцать влево. Ближайшая населенная деревня расположена примерно в семи ваших английских милях по левую сторону. Ближайший обитаемый замок, хоть как-то упоминаемый в истории, — это шлосс старого генерала Шпильсдорфа. Он стоит почти в двадцати милях справа от нас.

Я сказала «ближайшая *населенная* деревня», поскольку всего в трех милях к западу, то есть по направлению к замку генерала Шпильсдорфа, есть разрушенная деревня с причудливой часовней. У нее нет крыши, а в приделе находятся заброшенные гробницы ныне угасшего гордого рода Карнштайнов. Некогда этот род владел замком, который давно опустел, возвышаясь в чаще леса над молчаливыми руинами городка.

В чем же причина запустения красивейшего меланхолического места? Как-нибудь в другой раз я поведаю вам эту легенду.

А теперь я должна рассказать о немногочисленных жителях нашего замка, которые собираются за трапезой, не упоминая прислугу и тех, кто живет в примыкающих постройках. Представляете, я и мой отец — вот и вся семья! Отец — добрейший из всех людей на земле, он уже немолод. А мне на момент событий было девятнадцать. С тех пор минуло восемь лет.

Моя мать, дворянка из Штирии, умерла, когда я была совсем малышкой, но ко мне, можно сказать, с рождения приставили чудесную гувернантку. Ее полное приветливое лицо было знакомо мне с тех пор, как я себя помню.

Ее звали мадам Перродон, она была родом из Берна. Ее забота и доброта частично возместили мне утрату матери, о которой я ничего не помнила, ведь я так рано ее лишилась. Мадам занимала третий стул за нашей трапезой. Была и четвертая персона, мадемуазель де Лафонтен, дама, которую, я полагаю, можно назвать «гувернанткой по светским манерам». Она говорила по-французски и по-немецки, а мадам Перродон — на французском и ломаном

английском. Добавьте к этому еще наш с отцом английский, на котором мы говорили каждый день, чтобы не забывать язык и отчасти из патриотических побуждений. В результате происходило смешение языков, как в Вавилоне, над чем неизменно потешались посторонние. Конечно, я не буду пытаться воспроизводить нашу речь в моем повествовании. Еще у нас бывали две-три юные леди, мои подруги-ровесницы. Время от времени они гостили у нас, а иногда я навещала их.

Такова была наша общественная жизнь. Разумеется, периодически нас навещали соседи, которых от нас отделяли всего-то пять-шесть лиг*. Тем не менее, уверяю вас, жизнь моя была довольно уединенной.

Милые мудрые гувернантки старались контролировать меня, насколько это было возможно, учитывая, что я была единственным, довольно избалованным ребенком родителя, который предоставлял мне чуть ли не полную свободу.

Должна рассказать вам о случае, когда я впервые ужасно испугалась, — это воспоминание детства живо во мне до сих пор. Кто-то сочтет его настолько незначительным, что оно не стоит упоминания, но вы скоро поймете, почему я о нем рассказываю. Произошло это в моей детской — огромной комнате с высоким дубовым потолком, которая находилась на верхнем этаже замка. Мне было лет шесть, не больше. Однажды я проснулась среди ночи, села в кровати, огляделась. Горничной не было. Няня тоже отсутствовала, и я решила, что осталась совершенно

* Лига (*англ.* league) составляет три мили, или 24 фуллонга, или 15 840 футов, или 4827 метров.

одна. Я ничуть не испугалась, поскольку принадлежала к числу тех счастливых детей, которые благодаря стараниям взрослых не были знакомы с историями о привидениях или разного рода страшными сказками. В общем, со всем тем, что заставляет дрожать и прятаться под одеяло, когда внезапно скрипнет дверь или задрожит пламя гаснущей свечи, отчего тень от спинки кровати вдруг начинает плясать на стене перед нашими лицами. Именно поэтому мне стало всего лишь обидно, что меня все бросили, и я захныкала, готовясь зареветь во весь голос. Вдруг, к моему изумлению, я увидела строгое, но очень красивое лицо. У кровати на коленях стояла молодая женщина, положив руки под одеяло. Я прекратила ныть и смотрела на нее с радостным удивлением. Она погладила меня, легла в постель. С улыбкой притянула к себе и обняла. Я тут же успокоилась и задремала. Но вскоре проснулась от внезапной боли — словно две иглы одновременно и глубоко вонзились мне в грудь. Я вскрикнула. Женщина отпрянула, не сводя с меня глаз, а потом скользнула вниз, на пол, и, как мне показалось, спряталась под кроватью.

Вот тут я действительно испугалась и завопила со всей мочи. Няня, горничная, экономка вбежали в комнату, выслушали меня, принялись на все лады истолковывать случившееся, успокаивая меня что было сил. Но, даже будучи ребенком, я заметила, как они побледнели и непривычно встревожились. Они заглядывали под кровать, под столы, осматривали комнату, распахивали шкафы. Экономка шептала няне: «Потрогайте вмятину на постели — готова поклясться, там и вправду кто-то лежал, это место все еще теплое».

Горничная обнимала и целовала меня, и все трое осматривали мою грудь — место, где меня укололи. В конце концов они объявили, что никаких явных следов не обнаружено и, стало быть, ничего не произошло.

Они остались дежурить возле меня, бодрствуя всю ночь. С тех пор, пока мне не исполнилось четырнадцать, кто-то из слуг всегда ночевал в моей детской.

Нервы мои были расшатаны. Приехал доктор, бледный пожилой человек. Хорошо помню его длинное угрюмое лицо, слегка рябое от старых шрамов после ветрянки, и каштановый парик. Довольно долго через день он приходил и давал мне лекарство, которое я, конечно же, терпеть не могла.

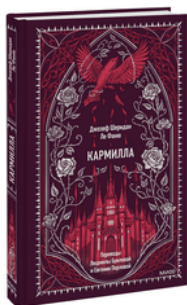
В первое утро после того видения я была напугана до смерти и не соглашалась оставаться одна ни на минуту даже среди бела дня.

Отец поднялся наверх. Помню, как он стоял у кровати, весело говорил что-то, расспросил няню, громко рассмеялся над каким-то из ее ответов. Он похлопал меня по плечу, расцеловал и сказал, что все это был сон и бояться нечего, никто и ничто не причинит мне вреда.

Однако меня его слова ничуть не успокоили, ведь я знала, что визит той женщины не был *сном*, и мне действительно было *страшно*.

Горничная заверила меня, что это она легла в кровать рядом со мной, а я спросонья не узнала ее лица. И хотя ее слова подтвердила няня, я не была вполне удовлетворена этими объяснениями.

Помню еще, как в тот день в комнату ко мне в сопровождении няни и экономки зашел почтенный пожилой человек в черной сутане. Он немного поговорил с ними,

Почитать описание и заказать
в МИФе

Смотреть книгу

Лучшие цитаты из книг, бесплатные главы и новинки:

Проза:

